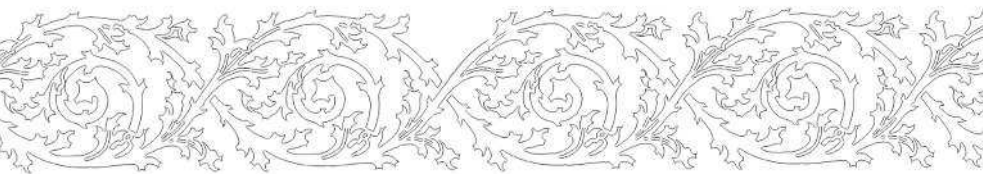

Древни Дварфи
и Скрытые Земли

Читайте в
серии:

Девочка и химера

Где живет колдун

Печать Магуса

Тени Авалона

Дети утренней
звезды

Сон Видящей

Алексей Олейников

ВОН Видящей

Книга шестая

Москва

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-53

Художник Елена Березина

Дизайн серии Светланы Прохоровой

Олейников, Алексей Александрович.

О-53 Сон Видящей : роман / Алексей Олейников. — Москва : Эксмо, 2015. — 480 с. — (Дженни Далфин и Скрытые Земли).

ISBN 978-5-699-79246-7

Законы реальности просто так не нарушишь. Везение будет выкуплено неудачами, нечеловеческие сила и ловкость — временной слабостью. Только Дженни Далфин не платила ни разу: словно сказочная фея, она использует волшебство без последствий. Мир слышит ее мысли и охотно исполняет желания. Вот девушка и творит чудеса одно за другим, а веселый цирковой фестиваль кажется лучшим местом для этого. Здесь встают полосатые шатры и веют разноцветные флаги, зрители ждут начала праздника. Надежно скрытые от чужих глаз светлым сном, съезжаются на Большой Собор члены тайного братства Магус. Между тем колдун Фреймус приступает к решающей стадии своего плана. Он готовится погрузить в хаос всю планету, и горстке циркачей его не остановить... Именно сейчас Дженни предстоит узнать, какую плату потребует мир от Видящей.

**УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Олейников А., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-79246-7

Глава первая

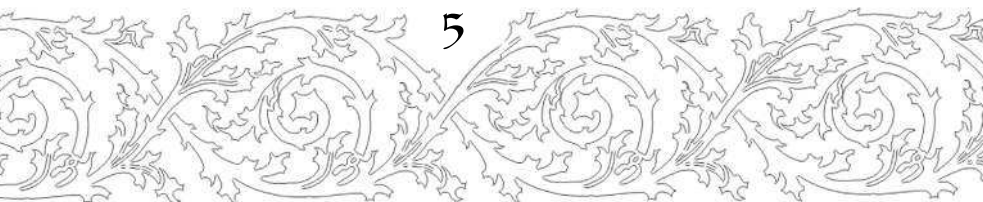
Далеко на севере, у края холодного моря, меж старых гор лежит небольшая долина. Она поросла редким лесом: кривыми березками, цепким кедрочом-сланцем, усталыми черными елями — едва ли выше человеческого роста. Здесь царят мох, камень и вода. И лишь порой глаз встречает островки высоких золотых сосен, которые стоят над лесом, как богатыри над войском.

Среди такого бора притаилась ветхая черная избушка — выбрел бы к ней турист, ахнул бы: угнездилась она не на земле, не на розовато-серых валунах, а на белом от времени стволе — шире самой избушки. Нет в здешних краях деревьев такого размера, такой мощи.

Ползет наверх лестница-приступка, доска с набитыми ступеньками. Блестит на солнце оконце — пыльное, задымленное до невозможности.

Не увидеть этой избушки ничьим глазом — ни человеческим, ни Магусовым, ни колдовским, ни звериным. И долины той нет на картах, и даже спутники не замечают этого места.

Здесь живет Элва Андерсен, старая саамканойда, бабушка Арвета Андерсона. Из дымохода

вьется легкий пар. Черный от копоти жестяной котел стоит на раскаленных камнях, варево исходит ленивыми пузырями. Элва бродит по избежке, берет с полок горшки, с прищептыванием бросает в котел горсти порошка, коренья, твердыми темными пальцами крошит сушеный лист.

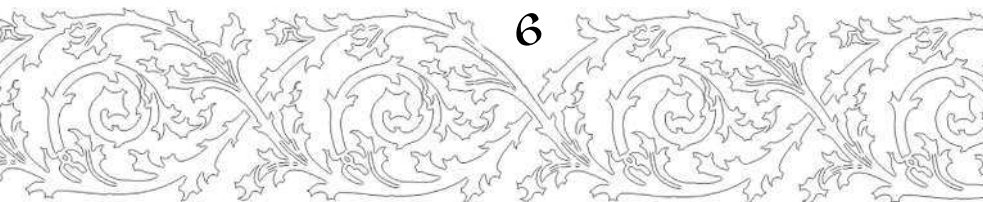
Сладкий приторный и чуть горчащий дым слоями течет по избежке, пока не находит дымоход.

Вот Элва вынула из глубин своей пестрой накидки рыбью кость — белую иглу, подцепила белый завиток дыма, потянула, прошила воздух. Затем потянула следующую дымную нить, и еще, и еще одну, пока перед ней не выткалась картина белого дыма.

Она всматривалась в нее, стирала завитки, меняла узор дыма, пока не развеяла его взмахом.

— Как такое может быть? Нить твоей жизни исчезает и появляется снова, как она может быть и в прошлом, и в будущем? Во что ты вляпался, Арвет?

Неспокойна Дорога Снов, будто движется что-то в самых ее основах, и дрожь пробегает от бездн Тартара до верхних миров, где живут безмятежные духи звезд и планет, которым нет дела до смертных

Сон Видящей

и бессмертных, — но даже их тревожат предчувствия грядущей катастрофы.

Элва сгребла в щепоть косточки, корешки, высушенные соцветия, сбросила в огонь и окунулась в клуб разноцветного дыма, будто диковинную корону воздела на седую голову. Не разобрать, где кончаются волосы и начинается дым, течет он во все стороны света, завивается под пальцами, струится, как летопись на неведомом языке, бесконечной строкой, бегущей из-под пера незримого летописца.

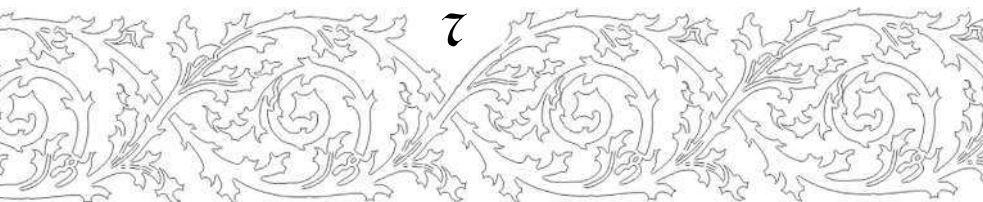
— Ты ли это, Ведун Аким? — хрипло пробормотала Элва — пальцы пробежались по нитям дыма, вытянули одну, почти белую. — Слышал ли ты о таком прежде?

Дрожат нити, ежесекундно меняя свой рисунок, но Элве не впервой играть на этих зыбких струнах, она слышит их беззвучную мелодию, она умеет читать следы дыма.

— Тот, кто спит, проснется, тот, кто бодрствует, уснет. О чем ты говоришь?

Аким отвечает, лицо Элвы меняется — так тень от облака набегаает на воды озера.

Она садится, разом постарев — как будто все года, которые она прожила, вернулись и пронеслись ураганом по долине ее лица, углубляя морщины, выветривая кожу, унося всякий цвет жизни.

Алексей Олейников

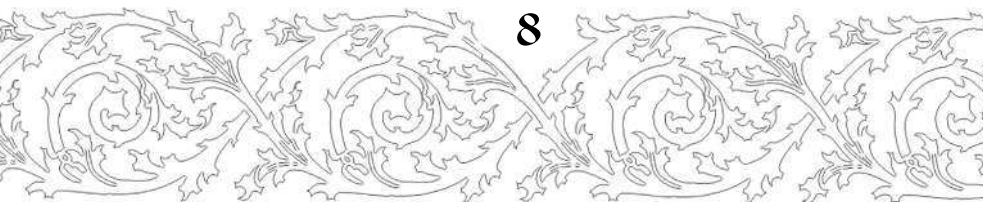

— Такова его судьба? — прошептала она. — Арвет, мальчик мой, разве для таких подвигов ты родился? Лучше бы тебе никогда не встречать этой девчонки, лучше бы тебе служить своему далекому богу и жить своей жизнью.

Было ясное утро, когда в сонный городок Ордаден вошел молодой человек. Из-под распахнутой зимней куртки проглядывал горный свитер с высоким горлом. Он шел без шапки, ветер с ледника толкал его в спину, ерошил светлые волосы, но юноша не обращал внимания. На боку его качалась старинная сумка — кожаная, с окислившимися медно-зелеными застежками. Мода на подобные дорожные принадлежности прошла вместе с девятнадцатым веком, когда эту сумку сшили. Он прошел по тихим улицам города, мимо аккуратных, выкрашенных красной, желтой, синей краской домов с белыми окнами. За белыми оградами палисадников из черной влажной земли пробивались крокусы. Они сияли в сумерках как звезды.

«Фьорд, от моря тепло, — подумал юноша. — Уже цветут».

Он перегнулся через ограду, сорвал цветок, вдохнул легкий, почти неуловимый запах.

Сон Видящей

Как давно он не слышал ничего, кроме запаха льда!

Ветер нетерпеливо толкнул в спину, юноша повел широкими плечами, двинулся дальше, уронив заиндевевшие лепестки на асфальт.

Автостанция встретила его белыми огнями и закрытым окошком кассы. Юноша сверился с расписанием — ближайший автобус на Берген в восемь утра — и уселся на металлическую скамейку. Лампа мигала над головой, он сидел неподвижно, как камень, смотрел на зубчатую линию гор, которая все больше отделялась от светящегося неба.

Синей громадой, продавив ложбину в каменных спинах гор, тек в долину язык ледника.

С закрытыми глазами юноша мог пройти по нему. Он знал все трещины и скрытые разломы, чуял изгибы и напряжения льда, потрескивающие в лазурной толще, и этот треск до сих пор звенел в ушах. Километры льда и снега — ослепительные под солнцем и полные темного серебра под луной, были его королевством. Он спускался к корням льда по блистающим внутренним светом туннелям и переходам, бездны, полные тягучей ледяной влаги, распахивались у ног, но он легко перескакивал их. Неуловимые человеческим глазом чаклинги мчались впереди, и он легко различал их своим перерожденным зрением.

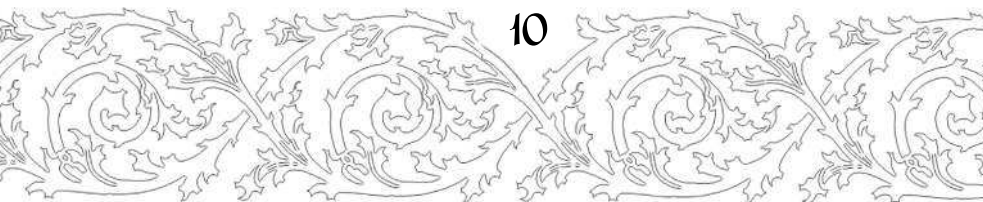

Он изменился. Рана, оставленная в сердце черным демоном, затянулась. Зияющую пустоту заняли солнце и лед. Он впитал силу этих мест, он вырос, ледники Йотунхемена стали его домом, потому что он уже почти не вспоминал о прежней жизни. Мама, папа, бабушка Кристин — это было далеко, это было сном о прежней жизни в теплых долинах, этому сну не было места в ледяных чертогах Сморстабрина.

Он не хотел уходить, не хотел снова меняться, потому что это всегда больно.

Он хотел вечно сидеть на пороге дома ледяного дракона и смотреть, как солнце и луна сменяют друг друга на небе в вековечном танце. Но Смор сказал, и он отправился в путь.

К восьми часам совсем посветлело, появились пассажиры: пришел старик с тростью, высокий, со строгим лицом, в бейсболке, сел и застыл как изваяние, он жил так долго, что тоже научился у гор ждать. Прибежала девчонка — черноволосая, с ярко-желтыми наушниками на полголовы. Она бросила на него быстрый взгляд, юноша ощутил его как любопытное касание, и отвернулась, встала у столба, пританцовывая. Черные волосы, темные глаза — она совсем не была похожа на светловолосую девушку, перевернувшую его жизнь, но по какому-то загадочному средству образов ее напонила.

Сон Видящей

«Вы, люди, способны находить победы в поражениях и силы в бессилии, вы все время другие, как реки, которые текут и все время меняются, — сказал Сморг на прощание. — Но иногда даже реке нужна помощь, чтобы добраться до моря. Помоги ей и напомни об обещании. Она должна выбрать справедливо».

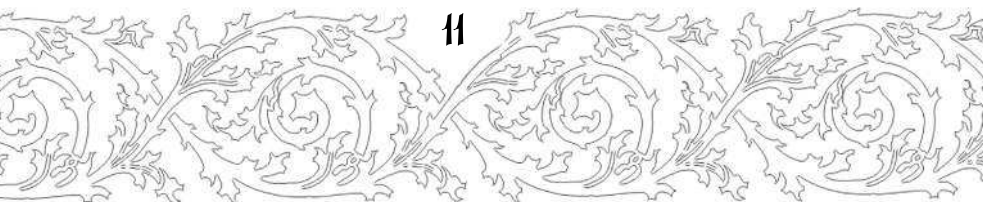
Подошел автобус, юноша зашел последним, расплатился с водителем — тот только удивленно покачал головой, принимая изорванную бумажку:

— Парень, ты ее грыз, что ли?

Юноша слабо улыбнулся, сел в середине. Не он. Альпинисты не удержали сани с поклажей, трещина поглотила их, лед и камни разодрали рюкзак, вода протащила груз под брюхом ледника. Все, что оставалось во льдах, принадлежало Смору, и чаклинги каждый год пополняли его запасы. Чего там только не было! И копия первых людей с грубыми наконечниками из кремня, и сверхсовременные ледорубы с алмазной кромкой и нанопокрытием. Только погибших дракон не забирал себе — оставлял родным и близким.

До Ордалена он доехал на снегоходе, потеряном еще одной экспедицией.

Двери с шипением захлопнулись, автобус поплыл по улочкам, вырулил на шоссе и двинулся по дороге, петляющей по краю фьорда. За окном стояли горы, от красоты которых щемило сердце.

Алексей Олейников

Водитель включил кондиционер, по салону потек теплый воздух.

Юноша запустил руку в старинную сумку, коснулся ледяного свертка и облегченно вздохнул.

Бьорн Эгиль ехал на запад, в портовый город Берген.

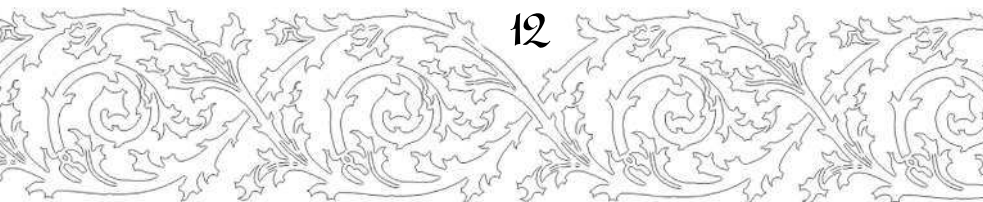
— Около двадцати автоклавов безвозвратно потеряно, пятнадцать самоходных установок выведено из строя, десять из них ремонту не подлежат... — голос был гнусавый и противный, надо сказать.

— Достаточно, — оборвал Альберт Фреймус. Размял длинные пальцы до сухого хруста. — Что произошло на седьмом уровне?

Гарри Торнфельд чихнул и сунул нос в измятый носовой платок.

— Простите, сэр, проклятая влажность... Я просидел среди этого железа десять часов, пока парни из спаскоманды не подоспели.

— Мистер Торнфельд, меня не интересуют ваши зловключения, — сказал глава ковена. — Что меня занимает, так это тот факт, что вы и все ваши подчиненные в целости, а вот мое оборудование и результаты работы археологической команды сильно пострадали.

Сон Видящей

Гарри Торнфельд шмыгнул носом и благоراضно промолчал.

«Тебя бы сюда, когда здесь эта троица резвилась, — подумал он. — Они големов как орехи щелкали. Да что там големы! Твои чертовы *куклы* и те не справились».

— Весь список пострадавшего имущества за протоколирован, — заметил Кристофер Пайл, глава научной команды. — Ужасное преступление, просто чудовищное. Наши исследования под угрозой срыва, мистер Фреймус.

Бледный, полный, прозрачный, как студень. Белые волосы, белесые брови, мутные голубоватые глаза, рубашка, вечно расстегнутая на выпирающем животе, — Кристофер Пайл был похож на личинку майского жука, которую случайно выкопали из земли. С самого начала раскопок он не вылезал с седьмого уровня, только и бормотал, что об археологической сенсации, о том, как в Оксфорде горько пожалеют, что не дали ему кафедру, когда он опубликуется в журнале *Nature*.

Даже странно, что Пайл был из *них*, из того же высокомерного племени, что и Фреймус. Торнфельд давно приучился вылавливать их бледные физиономии. Они были как англичане среди англичан — не белая, а прямо прозрачная кость, невидимая, но очень ощутимая аристократия. Даже те из

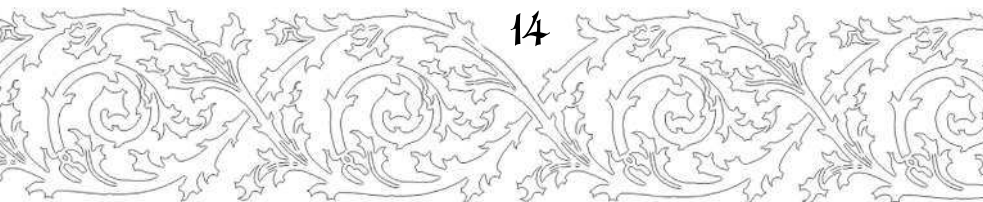

темников, кто старался жить просто и незаметно (хотя таких было меньшинство), выделялись среди обычных людей, как пугала среди кукурузного поля. Опытный глаз легко их различал.

Элита темников предпочитала конвертировать свой статус, власть и богатство в признаваемые человеческим обществом формы: их знатные фамилии давно приобрели титулы. Истории их семейных банков и фирм, как спилы вековых дубов, насчитывали сотни годовых колец. Англия, как никакая другая страна, подходила для такого подводного, скрытого от чужих глаз образа жизни — здесь за каждым признавалось право на эксцентричность. Общество уважает личные границы джентльмена, если джентльмен уважает законы общества. А темники умели обстряпывать свои дела без лишних свидетелей, ночь была их плащом, тайна — их вторым именем. Куда там масонам, иллюминатам и прочим тайным орденам обычных людей — власть темников была незыблема, правительства сменялись, революции свергали монархов, но темники выплывали из любых исторических катаклизмов обновленными. Сильнее, чем прежде.

Иной раз Торнфельду казалось, что *эти* вообще построили страну под себя — выбрали остров и столетие за столетием формировали общество

Сон Видящей

по своему вкусу. Гарри, любивший на досуге полистать мемуары ветеранов плаща и кинжала, воспоминания дипломатов и министров и, чистого развлечения ради, разного рода конспирологическую литературу, вроде измышлений о заговоре масонов и евреев, такую теорию не исключал. Знали бы авторы всех этих книжонок о тайном мировом правительстве хотя бы толику реальной правды!

Многие отпрыски *темных* фамилий мелькали в таблоидах, на страницах светских хроник и скандалов, кого-то прельщала актерская карьера или музыкальная индустрия. Торнфельд только хмыкал, натываясь на описание очередного дикого загула какого-то из обласканных судьбой юнцов.

— Подумать только, — бормотал он. — Такой уважаемый папа, магистр Ковена Восточной Англии, а сын так себя ведет. Ну надо же — в женском купальнике среди бела дня...

Своей прессы у темников не было, они предпочитали не оставлять никаких материальных следов своего существования. Только радиogramмы, зашифрованные древними, еще алхимическими знаковыми системами, и несколько скрытых телеканалов, которые невозможно было увидеть без специальных дешифраторов сигнала, которые к обычным людям попасть никак не могли:

